

Моск. колхозники
7 мая

ПОЭТ БЕЗ МРАМОРА И БРОНЗЫ

Монологи о Владимире Маяковском

АРКА моста или электрической дуга. Велотрек или подножие Эйфелевой башни. А может быть, время. Или судьба поэта. Потом звук приближающегося поезда, лязг буферов, звонок конки. И выстрел. Как конец и начало.

Сколько мест на ленкомовской малой сцене? Сколько сердец бьется в такт «Неоконченному» Владимира Маяковского? Сколько глаз следит за динамичной фигурой в черно-красном освещении? Сколько зрителей, совсем юных и старших, слушает Маяковского?

Лицо Юрия Астафьева, автора сценической композиции и исполнителя Монолога о Владимире Маяковском «Я знаю силу слов» (режиссер-постановщик Петр Штейн). В зеркалах гри머ной ярче и бледность щек, и блеск глаз. Он так долго шел к этому спектаклю, так много нравственных и физических сил вложено, что, думается, и пятидесятое представление по страстности не уступит премьере...

Уже начало композиции — на стыке времен, на острие полемики, на нервной струне: «Улица Маяковского. Площадь Маяковского. Памятник Маяковскому. Мощь Маяковского. Первый пролетарский поэт Маяковский. Первый поэт-оратор — Маяковский. Всемирная значимость Маяковского.

Несовременен Маяковский. Нечитаем Маяковский. Непонятен Маяковский. Не волнует Маяковский. Революция погубила Маяковского. Громыкает Маяковский. Раздражает Маяковский. Не поэт Маяковский».

ОДНАЖДЫ услышал: «Ну что Маяковский? Врал, врал, всю жизнь врал. Заврался. Застрелился. И это лучшее, что он мог совершить». Было, конечно, что в ответ бросить, но только воздуху вдруг не стало в легких и дуло предал... Потому что любил уже Маяковского, как можно полюбить, лишь в сердце приняв судьбу и все то, что есть жизнь человеческая.

Астафьев пришел к Мая-

ковскому уже студентом, в 20 лет. В школьной программе первому пролетарскому поэту, пожалуй, не повезло больше, чем другим классикам. Редко кто возвращается потом к его стихам. И уж тем более — к биографии, выхолощенной теми же учебниками. Юрию Астафьеву поверить в Маяковского удалось. Мы, зрители, слушаем и верим тоже.

Актер не стремится быть похожим, он не работает «под Маяковского». «Я раньше думал, — признается он, — не смогу. Нет ни голоса такого, ни роста. А рассказать я имею право. Правдиво. С тем, чтобы разрушить хрестоматийный глянec. Владимир Маяковский чрезвычайно современен. Я даже представляю: появляется он на пленуме Московской писательской организации. Выходит на трибуну — уже молодой, конечно, и говорит... Но как! Мне кажется, он сегодня был бы лидером, с этой невероятной напористостью, с пожаром сердца».

Я слушаю Юрия, а перед глазами словно в замедленном кино съемке сменяют друг друга сцены — кадры спектакля. Оказывается, Маяковского можно читать шепотом. Оказывается, Маяковский был незащищенным, легкоранимым. Оказывается, он был очень нежным.

— Когда я увидел черновики поэта, — рассказывает Юрий, — я был потрясен. Эти черновики покоряют письмом. Маяковский не обращал внимания на знаки препинания. Писал духом, мыслью.

Я думаю, как мало знаем мы о судьбе поэта. В победности стихов не всякому откроется душа. Нужна ли Маяковскому пропаганда? Нужна. Новая. Другая. «Внедряют как картофель при Екатерине», — сказал однажды Пастернак о Маяковском.

ОН ДОЛГО шел к этому спектаклю. Еще в театральном училище подготовил концертный вариант. Или чтецкий, хотя собственно чтецкого в нем было мало. А в театре с восемнадцати второго этот монолог пробивал себе путь на сцену. И глубоко знаменательно, что премьеры состоялась именно в нынешнем сезоне.

— Чем больше узнаю о нем, тем больше... не знаю, — говорит Юрий. — Мне нравится читать стихи Маяковского. Но стараюсь не прослыть чтецом. Понимаете, час сорок без перерыва — об одном человеке — это очень трудно. Не надо стараться быть похожим на Маяковского. Когда замечаю в себе это, в манере ли держаться или читать стихи, тут же осознаю: нет, не так. Другое — чувство растворенности в личности, в поэзии Маяковского. Нет, я его ни в коем случае не идеализирую. Но обаяние поэта — колоссальное. Его эпохи — тоже. И все время продолжаю работать над композицией. Каждый выход на сцену — это проверка на самовыживаемость. Не по энергетическим затратам, а по актерскому мастерству, по ремеслу, что ли.

ОЧЕМ спектакль? О том, каким был Маяковский, что любил, во что верил, чем дорожил. Или о том, почему оборвал свою жизнь пушечным выстрелом? «...Сделать жизнь значительно трудней» — именно об этом сценическая композиция «Я знаю силу слов».

Когда прозвучало последнее слово и закончился спектакль, были цветы и были аплодисменты. А потом на сцену поднялась женщина и просто пожала Юрия Астафьеву руку.

...Рассказывают, что Татьяна Яковлева, в замужестве дю Плесси, из парижского цветочного магазина приносили розы. В каждом букете была шутивая записка, написанная рукой Маяковского. А его самого уже не было в живых...

Е. СВЕТЛОВА.
Фото В. ВЯТКИНА.